

Незавидная местность:
Косогор, осокорь.
И я весь — бестелесность,
И желанная хворь...
В Лапотке поплещусь я —
Он почти ручеёк.
Он — душе моей устье,
Босоногий исток.
Подойду к осокою
И щекою — к коре.
Я с шершавой корою —
В занебесной поре,
Где я жёгся крапивой —
Не тщетой бытовой...
Дед и бабушка — живы,
Где я — вровень с травой, —
Беспорточный, босой
И с такой же душой,
Окропленной росой...

Дух смирения веет над полем,
Над сквозящим духмяным привольем,
Оседая в траве и цветах...
И в твоих невозможных губах
Появляется тень откровенья...
Грешный вызов на это смиренье,
Где всё видится хрупким, простым,
Где ступням даже нашим босым
Васильки и ромашки покорны,
Где кузнечики скачут проворно
При одном приближении нас.
И стреножен мой верный Пегас,
И не бьёт вдохновенно копытом...
А глаза твои влажно открыты...
Нестерпимее всё, ещё чуть —
Как в последний раз в них утонуть...

ОСОКОРЬ

Хорошо на заре, да по росам
Обжигающим, да босиком!
Под родным осокорем белёсым,
И в гортани — нетающий ком!
Босоногим ты и голоштаным
Этой Ряжской земле присягал,
И таким же вот утром туманным
Здесь на цыпочках лёгких порчал.
Шестьдесят пролетело, с лихвою,
Лет твоих, от тебя в стороне, —
Осокорь же густою листвою
Над тобой шелестит в вышине,
Как и в прежние годы, бывшие,
Поросли что прогорклым былъём.
Ну, а листья, такие живые, —
О своём шелестят, о твоём...

Отгуляли мы красное лето,
Глядь — и осень сквозит на дворе.
И вокруг столько чистого света,
Золотая листва на траве.
Голубые просветы в деревьях,
И распахнуты в даль небеса,
И в глазах твоих — омутных, девьих, —

Отразилась вся эта краса.
Скоро серые тучи нагрянут,
Хрусталём заблажит с высоты,
И меня вконец будни заманут,
Где в сиреновой кофточке — ты!
Не успели друг в друга всмотреться —
На дворе уже белым-бело...
И куда ж друг от друга нам деться,
Когда весь белый свет замело,
Когда красное лето прошло?

ЗАВИСТЬ

Развиднеется... Даль всё далече,
Непорочны и чутки стога.
Немоты не хватает, ни речи —
Так бессильно здесь жизнь дорога!
Никакого не надо участия,
Ни касания. Дышит простор...
Здесь само первородное счастье
В естестве с незапамятных пор
Схоронилось от новой неволи,
От алкающих рук и очей...
Вот нам в жизни бы этакой доли —
Где ты сам по себе, и — ничей!

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Тиходумная радость — брести босиком
По просёлочной, пыльной, родимой,
И соскучившимся, пытливым глазком
Примечать свет, едва уловимый,
От упругой, волной убегающей ржи,
Чуть разбавленной васильками,
Над которой стригут знойный воздух стрижи,
Прошивая косыми стежками.
Ни комбайн и ни трактор тебе на пути —
Никакая иная машина.
Вот бы так всю-то жизнь мне по жизни идти —
Не брала б никакая кручина!
В стороне от деньской суеты городской,
Где бытую, в заботы погрязнув
(Почему-то всегда их бывает с лихвой!),
В стороне от никчемных соблазнов.
Не колышется тень, убывает мой день,
Всё короче мой шаг (ведь не молод!).
Было в жизни плохого, хорошего — всклень,

Но опять приближается город.
Надвигается всюю громадой своей
Всё отчётливей, неотвратимей.
Куда деться: жалеё — не жалеё,
Всё постылее и — необходимей...

* * *

Ум не внемлет, и ухо не слышит,
Только сердце, лишь только оно
Занебесною влагою дышит,
Пьёт её неземное вино.
Белый свет — на четыре исхода
Распахнулся... концов не видать.
Воля духу, а мыслям — свобода.
Остаётся тебе выбирать.
Занедужили дали родные,
Рассуропились — немоготу.
И заветы, и жесты чужие
От тебя уже — не за версту.
Только сердце хмелеет нездешним,
Грезит зыбким, невиданным днём
В совершенстве своём неутешном,
В непосильном значенье своём...

* * *

Преклоняю свои я колена
Перед днём, что так сладко горчит.
Платье твоё из кримплена,
Всю тебя обтянувши, — кричит,
Вызывающе так и упруго
Ароматом зовёт и кружит.
В моём горле мучительно-сухо,
И ладонь нестерпимо дрожит
На твоей невозможной ладони.
Под лопатками — колкий мороз.
Ты — в пушистой, душистой короне
Из своих занебесных волос.
Ты, конечно, не здешняя птица,
От каких-то дремучих кровей...
Этот день уже не повторится,
Но продлится он в нас, да святится,
Вечно будет мучительно сниться,
И чем далее — тем всё больней...
Но светлее, светлее, светлей!

Внучке Машеньке

Машенька, ангел, Мария, —
 Вишенки — глазки твои —
 Смотрят на дали родные,
 Что в твоей детской крови
 Нежно уже растворились,
 Чтобы судьбой навсегда
 Стать... что впервые родились
 В эти глухие года...
 Я на тебя уповаю,
 Как на нательный свой крест,
 Жертвенно благословляю,
 Счастлив, едва не рыдаю,
 В сердце своём и окрест.
 Помни бедового деда,
 Что на земле гомонил
 Ради словесного бреда.
 Вот — и тебе посвятил!

ВЫЗОВ

Бимки нет уже пятое лето...
 Был он преданным другом моим!
 Не почуяла это — планета,
 Как он чуял всё нюхом своим!
 Как по всей мы Лосиноостровской
 Помотались с ним вдоль-поперёк!
 Каждый кустик он знал и пенёк,
 Перед каждую ёлкой, берёзкой
 Останавливаясь на чуток...
 Карим взглядом своим, нежнейшим,
 Он мне в самую душу смотрел.
 По движеньям моим по малейшим
 Распознать настроенье умел!
 Ах, какими мы были родными:
 Ведь глядел же, все годы и дни,
 Беспokoйно глазами своими —
 Он в такие же точно — мой!
 Ускользает какая-то тайна
 От меня... На душе нелегко...
 Он глядел так тревожно, печально, —
 Знать, была она — и у него!
 Знать, была, но иная — собачья...
 Но родная, такая же, зрячья,
 И кричу я религии всей:
 Верю, знаю, — была, хоть убей!..

* * *

Лишь однажды убил я змею,
На пеньке она грелась замшелом.
Как сейчас — перед нею стою,
Себя видя и ловким, и смелым.
На куски я её искромсал
Подвернувшимся дрыном ольховым
И от радости чуть не плясал,
Возгордась ощущением новым.
Не святая была простота —
До сих пор не прощу себя-гада:
Помню, сразу — в душе пустота,
Только горечь лишь в ней и досада...

* * *

Туман неподвижен в низине,
Роса на траве, будто град,
И дух невозможной полыни.
Подошвы босые горят.
И воздух густой чуть клубится.
Душистый, бескрайний покой,
И мнится: здесь что-то случится —
Над чуткой недвижимой рекой.
Какое-то в сердце томленье,
Мерцание в смутной душе,
Родное, на грани моленья.
Всего-то одно лишь мгновенье —
И нет тебя в мире уже...

ПИОНЫ

Цветом розовым свет мне застлал
Шапку сбросившие пионы,
А какой аромат источали —
Хоть клади здесь земные поклоны!
А вчера лепестками своими
Нежно-трепетными, живыми, —
Оглушали моё обонянье,
Обволакивая сознание.
Ещё только вчера... ну, а ныне —
Стебельками качают сухими,
Словно не было их и в помине.
И я думами маюсь простыми:
Где теперь их душистое имя?..

МЕЖА

Пространство души невозможно
Без этой забытой межи,
Где так одиноко, тревожно.
Колосья засохшие ржи
У самого поля, по краю,
Качаются ветром степным
Навстречу грачиному граю,
Печальным просторам пустым
И этим неласковым думам
О ветрено прожитых лет,
Усталым, почти что угрюмым,
И нет им скончания, нет...